

объяснить влиянием новгородских литературных традиций. Одной из характерных особенностей новгородской литературы конца XIV—начала XV в., по наблюдению Д. С. Лихачева, был большой интерес к описаниям памятников искусства, архитектурных сооружений.⁴⁶ Таким образом, рассматривая творчество Пахомия Логофета, необходимо учитывать не только воздействие на него традиций русской агиографии, но и принимать во внимание и местные литературные традиции в целом, которые Пахомий, судя по приведенному примеру, учитывал, когда создавал свои произведения.

Агиографические труды Пахомия обычно оцениваются довольно низко. Вот, например, что писал о нем В. О. Ключевский. «Достаточно пересчитать творения Пахомия, приведенные в известность, чтобы видеть, для чего собственно было нужно на Руси его перо и что нового внесло оно в русскую письменность... Запас русских церковных воспоминаний, накопившийся к половине XV в., надобно было ввести в церковную практику и в состав душеполезного чтения... Для этого надобно было облечь эти воспоминания в форму церковной службы, слова или жития... В этой стилистической переработке русского материала и состоит все литературное значение Пахомия. Он нигде не обнаружил значительного литературного таланта; мысль его менее гибка и изобретательна, чем у Епифания; но он прочно установил постоянные, однообразные приемы для жизнеописания святого и для его прославления в церкви и дал русской агиобиографии много образцов того ровного, несколько холодного и монотонного стиля, которому было легко подражать при самой ограниченной степени начитанности».⁴⁷ Эта оценка во многом справедлива, но трудно согласиться с ней безоговорочно. Не все произведения равноценны. Так, сам же В. О. Ключевский выделял из остальных житий Пахомия «Житие Кирилла Белозерского».⁴⁸

Очевидно, в тех случаях, когда Пахомий создавал оригинальные, собственные жития, а не перерабатывал уже имевшиеся, его произведения получались более интересными в литературном отношении. Тогда же, когда задача Пахомия сводилась лишь к переработке уже имевшегося жития, то перерабатывал он его прежде всего с целью сделать такое житие более подходящим для церковной практики. Поэтому такие жития Пахомия получались литературно более слабыми. Бесспорно, что Пахомий был менее талантлив, чем Епифаний Премудрый, но нельзя считать, что вся его литературная деятельность сводится лишь к стилистической переработке уже готового материала. Как мы уже могли убедиться, в «Житии Евфимия архиепископа новгородского» дается совершенно несвойственное житиям описание строительной деятельности святого. В «Житии Кирилла Белозерского» сообщается много интересных и ценных сведений из жизни этого святого, из истории созданного им монастыря, в житии приводится даже текст завещания Кирилла, весьма близкий к действительному документу. Вероятно, следуя не столько южнославянской традиции, сколько Епифанию Премудрому, Пахомий в своих житиях много говорит об истории создания им того или иного жития.

Отнюдь не отвергая убедительности примеров, приведенных В. Яблонским⁴⁹ для иллюстрации заимствований Пахомием из византийской и

⁴⁶ Д. С. Лихачев. Культура Руси, стр. 40—46.

⁴⁷ В. О. Ключевский, стр. 165—166.

⁴⁸ Там же, стр. 159—160.

⁴⁹ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 275—284.